

Представления о народных традициях в движении...

Кировская область, Яранский район, с. Пиштань, 2010 г.

Жукова Таисия Ивановна, 1925 г. р.

Санкт-Петербург, 2010 г.

Кудрявцева Татьяна Николаевна, ок. 40 лет.

Список сокращений

АФЭЦ — архив Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова

ОАФ — основной аудиофонд

ОВФ — основной видеофонд

ПМА — полевые материалы автора

ФА — фотоархив (указан номер файла на винчестере)

Географические названия

Бабушк. — Бабушкинский район Вологодской области

Беломор. — Беломорский район Республики Карелии

Волог. — Вологодская область

Киров. — Кировская область

Никольск. — Никольский район Вологодской области

РК — Республика Карелия

Тарног. — Тарногский район Вологодской области

Яранск. — Яранский район Кировской области

Ю. О. Андреева

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ДВИЖЕНИИ «ЗВЕНЯЩИЕ КЕДРЫ РОССИИ»

В среде многочисленных религиозных объединений современной России регулярно встречаются такие понятия, как «народный», «традиционный», «наследие предков» и т. п. Отсылка к ним в той или иной степени оказывается значимой для многих людей, живущих в постсоветскую эпоху. Одно из новых религиозных движений, возникших во второй половине 1990-х годов, — «Анастасия»,

или «Звонящие кедры России», — также уделяет значительное внимание восстановлению утерянных традиций, то есть возвращению к истокам (в первую очередь к обычаям и праздникам), которые обычно связываются с дохристианским прошлым Руси. Традиционная культура понимается в данном случае как первичное гармоничное состояние, в котором человек был близок к земле и природе и от которого он сейчас далеко ушел.

Движение «Анастасия», последователей которого я называю анастасийцами, возникло после публикации серии книг Владимира Мегре «Звонящие кедры России»¹. В них автор описывает свое знакомство в сибирском лесу с девушкой Анастасией и передает читателям полученные от нее знания о мире. Комплекс идей, представленных в этих изданиях, охватывает широкий диапазон интересов: от практических знаний по строительству до пространственных рассказов о сотворении мира. Движение анастасийцев непросто охарактеризовать в рамках подхода, требующего строгой социальной категоризации, его можно отнести и к религиозным, и к спиритуальным движениям Нью-Эйдж, и даже к экологическим направлениям.

О численности анастасийцев говорить достаточно сложно, так как движение представляет собой группу с размытыми границами, члены которой обладают некоторыми общими интересами, целями, опытом чтения и интерпретации книг Владимира Мегре. В сферу моего исследовательского интереса попадали те участники движения, читатели книг Мегре, которые в той или иной степени разделяли основные концепты, изложенные в книгах и дискуссиях в Интернете, и планировали или даже начинали реализовывать социальные проекты, идейно связанные с серией книг «Звонящие кедры России».

Основными методами исследования были включенное наблюдение во время встреч в Санкт-Петербурге в клубе и кружках анастасийцев, а также интервьюирование. Всего было взято 33 интервью. Почти все информанты родились и выросли в городе, что указывает на урбанистический фон формирования взглядов участников движения.

¹ На данный момент существует 10 книг.

Одна из ключевых тем движения анастасийцев — строительство родовых поместий (участка земли площадью не менее одного гектара), которые являются для них не просто экологически чистым местом, но и пространством, связующим с «космосом». Для анастасийцев отнесенность человека к их сообществу строится главным образом по шкале интереса к земле, традициям, роду. Каждая семья для того, чтобы реализовать себя в этом мире, должна построить свое родовое поместье, а в нем создать пространство любви¹, опираясь на традиции предков. Для того чтобы это сделать, необходимо с благими мыслями построить дом, посадить растения и деревья. Совокупность родовых поместий они называют родовым поселением.

Достаточно характерно, что за разговорами о родовой земле почти всегда возникает тема обрядов и традиций, которые следует на ней воссоздавать. Например, так говорит об этом одна из активных участниц движения, основавшая свой фольклорный кружок:

«Понимаете, люди, живя в поселении, в экологическом поселении, то есть поселившись на земле, вдруг чувствуют, что им это надо. Игры, танцы, песни — им это надо! Родовая память просыпается и требует этого» (Инф. 1, жен., ок. 50 лет).

Такие действия, как пение песен и игра на музыкальных инструментах, сочинение и исполнение стихотворений, вождение хороводов, считаются у анастасийцев обязательной составляющей полноценной жизни. При этом важно, чтобы утраченные традиции восстанавливались в быту, поскольку существование фольклорных ансамблей недостаточно и неполно замещает «оторванность современного человека» от живого мира. Народные обычаи должны не функционировать на сцене, а быть живыми и осмысленными. Последнее же возможно лишь в экологически (а значит, и духовно) чистых условиях.

Праздники и обряды поддерживают социальный порядок и стабильность, позволяют ощутить прочность сегодняшнего

¹ Пространство любви может рассматриваться очень широко и включать как родовое поместье (или другое место проживания), так и отношения с окружающими людьми.

дня, связь с предками и родом, а также завести новые знакомства и найти брачных партнеров среди единомышленников. Считается, что это самый быстрый и точный способ определить, подойдут люди друг другу или нет. Так, по их мнению, происходило в далеком «золотом веке».

Соб.: А как Вы считаете, вот сейчас тоже идет вот такой процесс, что много стараются восстанавливать, там праздники какие-нибудь, обряды, что это... нужно все это?

Инф.: Понимаешь, а где же знакомиться? Эти праздники, они вот именно потому, что все посе... собирается несколько поселений, необязательно, что ты в своем поселении найдешь половинку, и всегда это было. Вот он в своем поселении у не... нет его половинки — и всё, и вот... <...> А эти обряды, конечно, нужны, потому что одно дело, что... ты так просто вот посмотрел на человека, ну а тот... понимаешь, все-таки... тут многие раскрываются твои черты, вот, и потом вот это вот то, что ты, вот например, ручеек... ручеек, что-то вот ру... ру... рука с рукой, понимаешь это? Это многое значит, так... как-то танцы там не так, а здесь вот... вот... рука с рукой и вот где-то... где-то она дрогнет, понимаешь? (Инф. 2, жен., 1936 г. р.).

С точки зрения анастасийцев, главное — чтобы обряды совершались обдуманно и копировалась (или вновь создавалась) не просто форма, но и смысловое содержание.

Соб.: А вот эти обряды, это какие? Это те, которые... ну восстанавливаются из какого-то прошлого или самим можно придумать что-то новое?

Инф.: Ну... попробуй придумать и сама. Конечно, можно и самим, но только они-то... у них уже тысячелетиями наработано, понимаешь? Вот поэтому... а... а у нас просто... какие до нас остатки дошли, мы все исказили, и вместо... <...> А там... там ни... ни одного шага нет бессмысленного, там все имеет значение, высчитано как-то вот все это... тра... традиции-то издавна идут (Инф. 2, жен., 1936 г. р.).

Перспектива возрождения древних обрядов и праздников приводит к вопросу о том, какие именно праздники следует восстанавливать. Сложность заключается в том, что в серии книг «Звенящие кедры России» можно найти сведения о «разных» тра-

дициях. Например, есть ссылки на дохристианские славянские, дореволюционные или же «ведрусские» традиции. Однако часто информанты не осмыслиют такое различие как отдельную проблему, усваивая только основной мотив о потере традиций. Подобно тому как среди неоязычников традиционность объявляется основной ценностью, а в остальном они остаются свободными (например, в выборе между различными дохристианскими обычаями) (Aitamurto 2006, с. 200), так и анастасийцы могут трактовать «традиционный уклад» по-разному.

Вообще, возрождение утерянных традиций — это характерная черта программы в первую очередь неоязыческих групп, которые занимаются реконструкцией дохристианских верований. В России наибольшее развитие получило славянское, или русское, неоязычество, не представляющее, впрочем, единого течения¹ (Гайдуков 1999). Поскольку достоверных письменных свидетельств не сохранилось, то неоязыческие доктрины строятся на самых разных источниках: от разнообразных фальсификаций, философско-эзотерических учений до обрывочных цитат из работ фольклористов и литературоведов. Движение анастасийцев наследует интерес к большинству из этих источников.

Кроме разночтений в трактовках традиций, существуют две противоречащие друг другу тенденции понимания «ведрусского» прошлого. С одной стороны, анастасийцы вспоминают в первую очередь о славянских обрядах, но с другой — говорят о них в глобальном ключе как о свойственных прежде всем народам.

Этот настрой они почерпнули из основного источника — книг Владимира Мегре. Если вначале, в первых книгах, дается описание общего «славного прошлого ведруссов», то в последующих

¹ Британский антрополог Брайан Моррис, характеризуя феномен неоязычества в современном западном обществе, выделяет несколько черт, свойственных этому явлению. Среди них: радикальный политизм, экологическая перспектива, феминизм, децентрализованная политика, разнообразные ритуалы, акцент на духовном опыте, эзотеризм. Все эти черты не являются обязательными составляющими и могут присутствовать в неоязыческих группах в разных комбинациях (Morris 2006, p. 274–277).

оно конкретизируется, появляется стремление поставить на первый план «свое» прошлое. Например, в «Родовой книге» описывается мудрая цивилизация, потомки которой — народы всего мира:

«Мы — азиаты, европейцы, россияне и те, кто американцами себя назвал недавно, — на самом деле, люди-боги из одной цивилизации ведрусской. Был период жизни на нашей планете, который называется ведическим...» (Мегре 2002, с. 93).

Одновременно с этим в следующей книге упоминается, что Анастасия — «язычница» (а не только «ведрусса»), при этом имеется в виду определенное дохристианское язычество Руси, и далее говорится уже о предках славян. К примеру, с такими словами обращается Мегре к читателям:

«Ваша далекая, очень далекая прамамочка была язычницей. Она любила и понимала природу. Она знала Вселенную и значение восходящего солнышка. <...> Они были язычниками, они могли понимать через природу мысли Бога. Ваши далекие, очень далекие мама и папа знали, как сделать вас счастливым. Они знали, потому что были язычниками» (Мегре 2003, с. 136).

Противоречия в определении традиций можно проследить на примере свадебного обряда: в «Родовой книге» он описывается как «ведрусский»¹, а в следующей части упоминается уже как обряд язычников-славян (Мегре 2003, с. 141–142).

Что понимается под ведическим периодом и в каком соотношении он находится с язычеством, понять непросто, на мой взгляд, автор и не стремится к ясности в этом вопросе: в разных главах предлагаются противоречащие версии. Однако по некоторым высказываниям можно догадаться, что язычество — это, по видимому, следующий этап после ведизма:

«Во времена ведизма, а впоследствии и язычества не было скорбных, грустных праздников. <...> Язычество, а тем более ведизм, трудно назвать религией. Правильней было бы сказать «культура образа жизни» (Мегре 2003, с. 165–167).

¹ «Но знали точно люди-боги из ведической культуры: когда необъяснимое вершится чудо, соединяя двоих, впоследствии останутся они каждый сам собою» (Мегре 2002, с. 118).

Рассказы информантов отражают запутанность почерпнутых ими из книг сведений. К тому же для «уточнения» и лучшего их понимания они используют и другую литературу. Чаще всего анастасийцы связывают ведическую культуру с дохристианской культурой славян. Однако некоторые информанты видят за образом ведической Руси и идеологией движения скрытый посыл к глобализации, и такой подход их не всегда удовлетворяет:

«<...> Любое идеологическое течение принимаю относительно его способности стать идейной основой для национального объединения и подъема, а анастасийство, несмотря на все рассказы о ВедРуссии, несет в себе зачатки космополитизма и интернационализма» (из переписки с Инф. 3, жен., 1981 г. р.).

На вопрос, заданный информантам, какие именно традиции следует восстанавливать, мне давали разнообразные ответы: иногда языческие обряды отождествлялись с ведическими, в других случаях информанты признавались в своей некомпетентности и неспособности ответить, третьи воспринимали традиции всех народов как часть единой истины:

«Это счастье, гармония и пространство любви — вот то, что говорилось в книжках [Мегре. — Ю. А.]... и это подтверждает и практика наблюдения... вот эти все... как бы древние традиции, они... потихонечку вот... ну все говорят об одном, но как-то по-разному. Вот, а поскольку я не узко вот в одном чем-то, да, я не узконаправленный человек, а стараюсь и индусские традиции, и индийские традиции изучить, да и наши вот... славянские, и северные, и южнославянские, и западнославянские — из разных. И вот из этого всего можно найти нечто вот общее, нечто общее, на чем базируется, в общем-то, культура всех народов. И тогда можно понять... откуда растут ноги и как жить вообще в гармонии, ну вот, видимо, еще тоже не все доучила до конца, лежу с за-гипсованной ногой» (Инф. 6, жен., 1963 г. р.).

Однако чаще всего анастасийцы вспоминают о дохристианском «язычестве» как образце древней и мудрой цивилизации. В таком случае остается вопрос о существовании политеизма в культуре, противоречащего в целом концепции движения, которое ориентировано на нахождение божественного в каждом

человеке и отрицание «идолопоклонства». Кстати, понятия «язычники» и «язычество» также воспринимаются анастасийцами неоднозначно, и в разговорах чаще и охотнее используется наименование «ведруссы».

Некоторые смешения анастасийцами определений типов традиций показывает высказывание одного из информантов — противника всяческой «театрализации» прошлого, склонного, впрочем, к обнаружению в этом «мировых заговоров»:

«Здесь вот женщины свои хороводы водят. Эти барды на своих гитарах свои песни какие-то поют, а они уже как бы устарели. Скажем, хороводы тоже я не считаю, что это типа русское. Вот они говорят: “Это русское, это славянское, древнеславянское, там еще чего-то”. А это все чушь! Вот. А... как бы... истинное что-то оно будет рождаться, когда ты... ну, во-первых, держисься естественно. Вот... я не одеваюсь вот в эти национальные одежды дурацкие, да, вот там, приходят там... эти рубахи там какие-то белые, с вышивкой, еще чего-то это — это чушь! Театр! Цирк! А... обычно вот у них в голове тоже каша какая-то, там, не знаю, славянские веды там, “Велесова книга”, ну их сейчас тоже много вот всяких этих... теорий накрутили, написали где-то в подвалах кремлевских. И людям постоянно все это спускают» (Инф. 5, муж., 1960 г. р.).

Здесь затрагивается важный момент в восприятии анастасийцами традиций и обрядов: несмотря на критическую тональность высказывания, говорящий улавливает в происходящем связь игры и реальности. Стремление к возрождению разнообразных обрядов выглядит как игра, в которую приятно время от времени играть, и приятно, когда другие участники разделяют с тобой ее правила. Так происходит, например, на праздновании дня Земли под кедром¹, где приходящие надевают стилизованные народные костюмы, устраивают танцы, игры, поют песни и водят хороводы. Иногда достаточно трудно понять, что воспринимается как

¹ Праздник «День Земли» берется из книг В. Мегре. Поляна под кедром на Крестовском острове — излюбленное место встреч анастасийцев в Санкт-Петербурге.

игра, а что — как область «серьезного», значимого¹. Подобно движениям ролевиков и реконструкторов, одно плавно перетекает в другое, игра становится жизнью, и ее правила и законы часто неотделимы от других социальных сфер.

Анастасийцы активно пользуются тем, что их традиционализм легко принимает нововведения и адаптируется к окружающей действительности, тем более что праздники для них — это один из способов самореализации. Они утверждают, что нужно возрождать (полагаясь на интуицию и здравый смысл) лишь то, что понятно современным людям, далеким от природы и естественной среды обитания. То есть для последователей движения границы понимания «традиции» размыты, каждый индивид волен вкладывать свой смысл, ориентируясь на (пока) недостижимый идеал.

Традиционные славянские праздники крайне необходимы для гармоничного развития человека, но еще более важно, чтобы индивид совершал действия не механически, а осмысленно. Эта ссылка на осмысленность повторения, без которой обряд не имеет силы, отличает обряды анастасийцев от «традиционной культуры», для которой механизм объяснения необязательно является важным. По словам А. К. Байбурина, общество, ориентированное на формы регуляции в лице ритуала и обычая, считает существующие нормы унаследованными от предков и уже не подлежащими обсуждению. «Вопрос “Почему так, а не иначе?” попросту не имел значения, ибо весь смысл традиции как раз в том и состоял, чтобы делать так, как это было сделано “в первый раз”, во время “первых поступков”» (Байбурин 1993, с. 9–10).

В случае анастасийцев важным является не просто автоматическое копирование обрядов из книг Владимира Мегре или из других источников, а их осмысление. Необдуманное подражание вызывает критику:

¹ Например, армянские неоязычники воспринимают свое направление одновременно как религию, идеологию и игру. И игровой компонент несколько не принижает статус религиозной системы (Антонян 2010, с. 126–127).

«...И вот это еще мне смешно, ой, что... праздники, и делали традицию пускать, значит, эти плотики. Господи! Это же, это же... и та... та... та... у Анастасии везде с глубоким смыслом, и здесь именно такой смысл, что вот они пускают по реке! [курсив мой. — Ю. А.]. Тот, кто наверху... внизу, они... внизу ждут парня, например, ждут парня, который... А девчата пускают свои венки с плотиком, со свечечкой, понимаешь? И с какими-то своими, ну, например, там поставят чашечку там... или свой ко... компот она там... как... что-то такое, что она приготовила, яблоко из своего сада. <...> Вот, понимаешь, вот какой смысл! Они по морю пропу... пускают плотики, ну какой... для чего? Это бессмысленно совершенно... дело. Что в море кто-то? Понимаешь? Они же посылают адресно кому-то, и там ждут их, думают, что они тоже не нашли. Это... по реке пускают, по... просто... просто по реке, которая протекает мимо, чтоб на тебя [нрзб] ну отпустили, ну и уплыли плотики, ну и что? Вне всякого смысла, понимаешь? <...>» (Инф. 2, жен., 1936 г. р.).

С точки зрения анастасийцев, обряд несет определенную значимую пользу для индивида, даже если он относится к какой-либо конфессии, только когда совершается осмысленно:

«Вот то же самое, во всем главное чувства, а все остальное вот. Просто некоторые обряды вот и... и ведические, их тоже надо именно понять, а то, что их просто исполняют, — это ничего не даст, так же как и в христианстве, если ты, не знаю вот, сильно веришь и действительно понимаешь, для чего ты это делаешь, да, тот же... тот же обряд крещения, если ты его проходишь, то, наверно, ну он действительно силу имеет. А [нрзб] когда маленького ребенка, потому что так надо, так привыкли, то мне кажется, это уже ничего хорошего» (Инф. 4, муж., 1983 г. р.).

Из вышеприведенных примеров можно заметить, что представления о традициях у анастасийцев весьма разнородны. Список источников, на которые они опираются при их конструировании, не ограничивается изданиями «Звенящие кедры России», он широк и вариативен. Разные типы изданий предлагают не только большое разнообразие праздников и обрядов, но и «духа» и образа жизни прошлого, к которому желают вернуться. Есть ряд авторов, на которых любит ссылаться большинство анастасийцев,

часть литературы осваивают только «эксперты», донося до остальных адаптированный вариант на специальных встречах, какие-то источники оказываются актуальными только для отдельной прослойки и берутся из других религиозных/духовных традиций.

Знания в области народных традиций часто приобретаются из литературы, посвященной «исследованию» славянской религии. Например, такой список приводится в одном из интервью:

«Ну это очень... это было как раз связано со славянским направлением, вот я говорю, что всколыхнулось с этой книгой про славянские корни, и вся литература, связанная со славянством, она хлынула для читателей-анастасиевцев как бы... новая тема для... э... исследований или ну не то что исследований, а интереса анастасиевцев именно к славянству, любого характера, что художественная литература, что научная литература. Научная — это Рыбаков, э... самый известный, Жарникова там... Демин — это как бы не научно, но все равно он там со своей теорией Гипербореи проталкивает. И вот художественная — это Алексей Сергеев и Семенова» (Инф. 8, жен., 1985 г. р.).

В приведенной цитате можно увидеть классификацию, которую невольно приводит информантка. Так, «эксперты» и анастасийцы с высшим гуманитарным образованием обычно используют в разговоре об обычаях прошлого ссылки на монографии Б. А. Рыбакова («Язычество древних славян», «Язычество Древней Руси» и пр.) и В. Я. Проппа («Исторические корни волшебной сказки»). Кроме них, к «академическому» чтению относятся обычно произведения таких авторов, как В. А. Чудинов¹, С. В. Жарни-

¹ Известен так называемыми расшифровками тайнописного наследия, найденного в остатках материальной культуры древних цивилизаций. Сторонник идеи славянских рун, удревает эпоху возникновения русского языка. Считает, что «славянская ведическая цивилизация» возникла задолго до всех прочих известных цивилизаций. Автор книг: «Загадки славянской письменности». М., 2002; «Руница и тайны археологии Руси». М., 2003; «Священные камни и языческие храмы древних славян». М., 2004; «Тайные руны Древней Руси». М., 2005 (URL: <http://chudinov.ru/>, дата обращения: 2.06.2011).

кова¹, П. И. Кутенков², В. Н. Демин³. Конечно, не каждый анастасиевец возьмется за прочтение подобного рода литературы, но он готов услышать о ней из других уст. Среди национал-патриотической литературы пользуется спросом и творчество Древнерусской англиистической церкви православных староверов-инглингов⁴, которых они именуют, о чем неоднократно сообщалось в интервью и Интернете, староверами. «Славяно-Арийские веды»⁵, работы А. В. Трехлебова⁶; Владимира и Лады Куровских⁷, В. А. Шем-

¹ К. и. н., автор книг «Золотая нить», «Архаические корни традиционной культуры Русского Севера». Развивает «теорию полярной прародины индоевропейцев», исследователь Гипербореи.

² Подполковник, автор книг о традиционной одежде: «Великорусская женская сряда (одежда). Сядемская и вяземская крестьянские родовые культуры (сер. XIX — нач. XX в.)» (2009), «Ярга-свастика — знак русской народной культуры» (2008).

³ Д. филос. н., руководитель научно-поисковой экспедиции в Гиперборею, отстаивал концепцию происхождения народов России из архаичной культуры, традиционно называемой гиперборейской. Автор работ «Тайны русского народа. В поисках истоков Руси» (1999), «История Гипербореи» (2009), «Русь нордическая» (2011).

⁴ Инглизм — одно из направлений в славянском неоязычестве, созданное в 1990-е годы в Омске Александром Хиневицем. Название организации объясняется тем, что его последователи исповедуют «старую веру расы великой» (староверы) и «славят Правь» (православные).

⁵ «Славяно-Арийские Веды» — священные тексты инглизма, содержащие, по словам Александра Хиневица (главы Древнерусской церкви православных староверов-инглингов), переводы на современный русский язык древних славяно-арийских текстов. Серия была издана в Омске в 1999 году.

⁶ Занимается темой наследия предков славян и ариев, автор книг: «Толковый словарь кошунника», «Кошуну Финиста» (2001), «Славянский именовослов» (2002) (URL: <http://koshuny.nm.ru/>, дата обращения: 2.06.2011).

⁷ В. Куровский — верховный волхв украинской общины «Родовое огнище родной православной веры», вместе с женой Ладой пишет книги, например, «Как счастливо родить и воспитать дочь. Рождение Богини (Тайные знания славянского рода)» (2007), «Как счастливо родить

шука¹, Алексея Алнашева² часто упоминаются в дискуссиях анastasийцев, хотя и не всегда воспринимаются однозначно положительно. Кроме того, популярна литература в жанре «славянского фэнтези» и художественная литература в целом, которая зачастую воспринимается как исторический источник (например, Мария Семенова «Валькирия», «Волкодав»; С. Т. Алексеев «Аз Бога Ведаю», «Сокровища Валькирии»; Юрий Сергеев «Княжий остров» и т. п.). Она доступна для всех и воспринимается с одобрением из-за образного характера и отсутствия ссылок, тем более что анastasийцы нетребовательны к академизму письма и поощряют простоту изложения и стиля.

Анастасийцы, по сути, как и язычники, о которых говорит Грэхэм Харви, описывают свои традиции в терминах восстановления утраченного, однако они осознают и не скрывают того, что создают современный стиль «традиций», подходящий нынешней эпохе, используя при этом исторические и археологические источники скорее как вдохновение к творчеству, чем реальный проект реконструкции (Harvey 2007, p. 283–284). Это в итоге привело к тому, что возможность самостоятельного истолкования доктрины стала казаться все более реальной.

По мнению социолога Шмуэля Айзенштадта, «традиционное общество постоянно меняется», поскольку в традиции присутствуют одновременно и креативная, и консервативная составляющие (Eisenstadt 1973, p. 153). Любой культуре свойственны и стагнационные, и динамические тенденции, поэтому традиция всегда так или иначе существует в инновативном контексте (Панченко 2004, с. 13). Однако анastasийцы воспринимают традицию

и воспитать сына. Рождение Бога» (2009), «Жива — энергия жизни. Сила Родосвета» (2008).

¹ Занимается восстановлением традиций и обрядов древней цивилизации. Написал книги «Когда люди были богами» (2006), «Как родить бога (древнерусские практики соития и зачатия)» (2008).

² Ведун-целитель из Ижевска, носитель знаний «словянской народной культуры». Книгу «Древо жизни» (т. 1) из серии «Весть предков» (2009) посвящает описанию уклада жизни человека словянской культуры.

как некое незыблемое и идеальное состояние в прошлом, которое они изобретают сами.

Как указывал Эрик Хобсбаум, связь подобных придумываемых «традиций» с историческим прошлым является по большей части фиктивной, они используются в качестве ответа на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой — периоду «золотого века» (для анastasийцев — ведический период). Разрывы преемственности отличают те движения, которые подают себя как традиционалистские, апеллируя к группам, признаваемым за хранителей исторического знания, при этом само появление такого движения уже указывает на потерю связи с актуальной действительностью (Хобсбаум 2000, с. 54–55).

При этом Хобсбаум проводит строгое разграничение между «обычаем» и «традицией»: отличительная черта последней — неизменность, поэтому мифологическое прошлое накладывает на последователей фиксированные неизменные практики. Тогда как обычай не препятствует изменениям и нововведениям, он следует за течением жизни, плавно адаптируясь к изменениям социальных и природных условий (Хобсбаум 2000, с. 48–49). Однако в данном случае в связи с отсутствием строгой иерархии и структуры движения консерватизм традиций Хобсбаума становится неактуален.

Юлия Антонян делает замечание в отношении армянского неоязычества, которое можно вполне отнести и к анastasийцам, что его адепты не просто «вспоминают» традицию, ссылаясь на ее существование в прошлом, а претендуют именно на ее «воссоздание в виде живого процесса», то есть допускают адаптацию к современным реалиям. Таким образом, они, как и анastasийцы, осознают факт утери традиции и хотят возродить главным образом «оригинальные механизмы и процессы ее образования», а не точную последовательность каких-либо обрядов (Антонян 2010, с. 125).

Соб.: То есть, обряды, они должны меняться со временем?

Инф. 4: Да, они, может быть...

Инф. 7: Ну если потерянные, как у нас сейчас, да, обязательно, да, что-то можно менять, чтобы мы понимали, то, что мы используем.

Инф. 4: Да. То, что вот хорошо понимается, то, что вот именно надо хорошо, глубоко просмысливать... ну то есть, смысл видеть всего этого обряда. А если смысла нету, то его... то и... и... и он и действовать-то будет плохо (Инф. 4. Муж., 1983 г. р.; Инф. 7. Жен., 1985 г. р.).

Несоответствие между «источниками» (в данном случае традициями, описанными в книгах Мегре о временах «ведрусов») и попытками их реконструкции объясняется иными существующими социальными реалиями. Для анастасийцев именно там, в прошлом, существовали «истинные традиции», а нам, людям будущего, остается только осознавать свое несовершенство перед далекими предками и стремиться вернуть состояние «человека истоков».

Библиография

Антонян Ю. Ю. «Воссоздание» религии: неоязычество в Армении // *Laboratorium*. 2010. № 1. С. 103–128.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Гайдук А. В. Молодежная субкультура славянского неоязычества в Петербурге // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: Социология и антропологический анализ / под. ред. В. Костюшева. СПб., 1999. С. 24–50. URL: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/gaidukov.htm> (дата обращения: 18.08.11).

Мегре В. Н. Родовая книга. М.; СПб., 2002. Кн. 6.

Мегре В. Н. Энергия жизни. М.; СПб., 2003. Кн. 7.

Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. М., 2000. № 1 (8). С. 47–62.

Aitamurto K. Russian Paganism and the Issue of Nationalism: A Case Study of the Circle of Pagan Tradition // *Pomegranate*. 2006. Nov. Vol. 8. Issue 2. P. 184–210.

Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973

Harvey G. Inventing Paganisms: Making Nature // *The Invention of Sacred Tradition* / Edited by J. R. Lewis, O. Hammer. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 277–290.

Morris B. Religion and Anthropology. A Critical Introduction. N. Y.: Cambridge University Press, 2006.

Полевые материалы автора. Список информантов

- Инф. 1. Жен., ок. 50 лет, СПб., 23.11.2008.
- Инф. 2. Жен., 1936 г. р., СПб., 26.11.2010.
- Инф. 3. Жен., 1981 г. р., СПб., 18.08.2008.
- Инф. 4. Муж., 1983 г. р., СПб., 16.07.2009.
- Инф. 5. Муж., 1960 г. р., СПб., 04.08.2010.
- Инф. 6. Жен., 1963 г. р., СПб., 17.11.2008.
- Инф. 7. Жен., 1985 г. р., СПб., 16.07.2009.
- Инф. 8. Жен., 1985 г. р., СПб., 16.07.2008.

Е. С. Соболева

СМЕШЕНИЕ ВРЕМЕН И ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАРНАВАЛЕ В ГОА (ИНДИЯ)

Гоа — единственный штат в Индии, который проводит карнавалы. Они начинаются за три дня до Поста каждый февраль/март. Ранее карнавал устраивали только в столице, г. Панаджи, ныне — и в других городах и деревнях. По мнению гоанцев, он воплощает культуру веселья, характерную для Гоа. Поэтому авторы гоанского происхождения в своих книгах упоминают карнавалы как постоянный элемент своей жизни.

Карнавалам уделено много места в гоанских социальных сетях. Описания, фото и видео карнавалов, документальные изыскания, мемуары выкладывают в сетях “Goanet”, “The Voice of the Goan Diaspora” и других на английском, реже — на португальском и языке конкани. За последние пять лет резко возросло количество информации о карнавалах, проводимых гоанскими диаспорами. Эти материалы составили основу данной статьи.

С 1510 по 1961 год Гоа входил в состав Португальской империи, в 1530 году стал столицей Португальского Государства Индия. Сюда приезжали жить и работать выходцы из португальских